

ПОЛИТИЧЕСКОЕ УСТРОЙСТВО

ТЕРМАНЦЕВЪ

ДО

ШЕСТАГО СТОЛѢТІЯ.

СОЧИНЕНІЕ

Михаила Пупорина

Магистра Философій.

САНКТ-ПЕТЕРБУРГЪ.

1837.

ПОЛИТИЧЕСКОЕ УСТРОЙСТВО

ПЕРМАНИЕНСЪ

ДО

ШЕСТАГО СТОЛѢТІЯ.

СОЧИНЕНИЕ

МИХАИЛА КУТОРГИ

Магистра философіи.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

ПЕЧАТАНО ВЪ ТИПОГРАФІИ Х. ГИНЦЕ.

1 8 3 7.

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ

**съ разрѣшенія Совѣта ИМПЕРАТОРСКАГО
С. Петербургскаго Университета, по одобре-
нію 1-го Отдѣленія Философскаго Факультета.
12 Февраля 1837 года.**

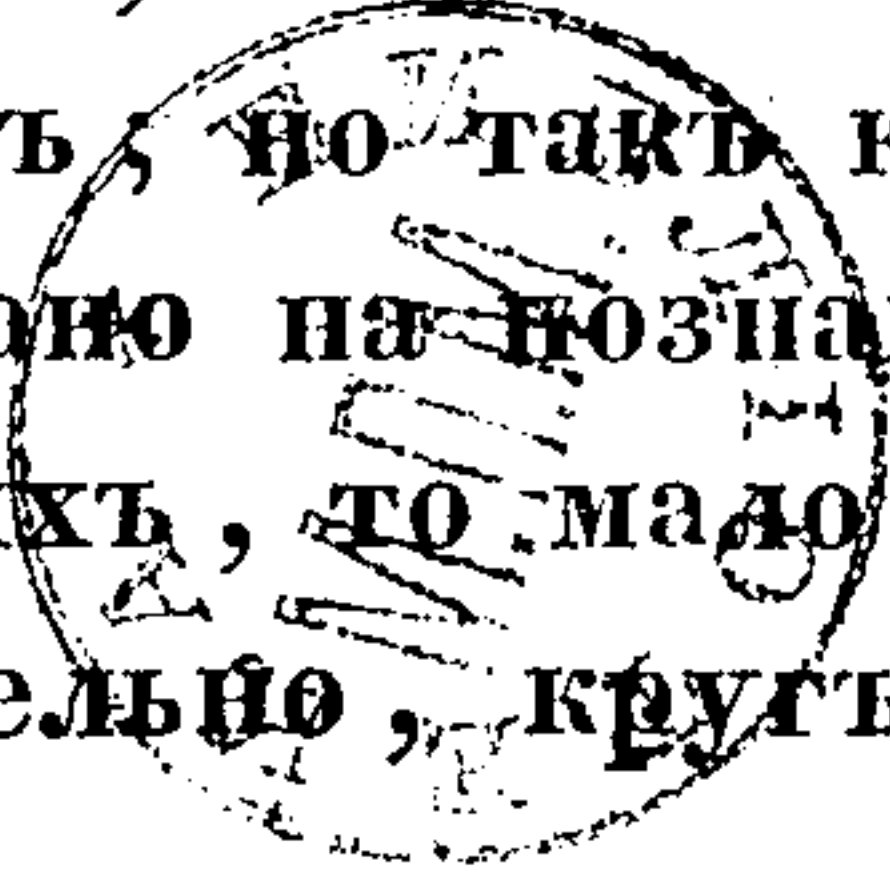
**Деканъ 1-го Отдѣленія Фило-
софскаго Факультета *Ф. Грефе.***

2007113180

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Историческій опытъ, предлагаемый мною на судъ отечественныхъ ученыхъ, не имѣетъ цѣлю представить свой предметъ въ совершенной полнотѣ и независимости, но предназначенъ составлять начало и основаніе труда, несравненно обширнѣйшаго — изложенія исторіи Западной Европы Германскаго элемента, отъ паденія Римской Имперіи до четырнадцатаго столѣтія. Первоначально вниманіе мое было обращено на изученіе феодальной системы, и притомъ не столько по новѣйшимъ писателямъ, сколько по современнымъ памятникамъ; но такъ какъ точное познаніе ея основано на познаніи вѣковъ предшествовавшихъ, то мало по малу, почти нечувствительно, кругъ моихъ занятій распро-

странился, и наконецъ обнялъ цѣлое тысящелѣтіе. Двудѣтнее пребываніе мое въ Германіи доставило мнѣ драгоцѣнные матеріалы для этого предпріятія; особенно въ библіотекахъ Берлина, Вѣны и Мюнхена, богатство которыхъ далеко превзошло мои ожиданія, я воспользовался множествомъ старыхъ печатныхъ сочиненій и рукописей. При всемъ этомъ, я далекъ отъ самонадѣянности и увѣренности въ полнотѣ и отчетливости моего сочиненія, и почти себя счастливымъ, если оно удостоится критическихъ замѣчаній.

С. ПЕТЕРБУРГЪ,
11 Февраля 1837 года.

Михаилъ Куторга.

ГЕРМАНСКОЕ УСТРОЙСТВО.

Mihi Galba, Otho, Vitellius, nec
beneficio, nec injuria cogniti.

Tacitus.

Задача настоящаго разсужденія есть изображеніе политическаго состоянія Германцевъ отъ ихъ перваго появленія въ исторіи до того времени, когда они разрушили Римскую Имперію и основали на ея развалинахъ новыя Государства. Ихъ переселеніе раздѣлило всю западную Европу на два элемента: Римскій и Германскій, которые стали одинъ съ другимъ въ совершенную противоположность. — Мнѣнія ученыхъ о вліяніи Германскаго элемента на гражданственность и о древнемъ устройствѣ самихъ Германцевъ чрезвычайно различны: національные предраз-

судки, положеніе сочинителя въ государствѣ и даже политическія мнѣнія, руководили весьма часто перомъ, при изслѣдованіи этого предмета. Писатели принадлежавшіе къ высшему классу общества, напр. Графъ Буленвилье (Boulainvilliers), приписываютъ Германцамъ необыкновенную важность, и видятъ въ ихъ учрежденіяхъ чистую аристократію. Писатели средняго сословія, какъ Аббатъ Дюбо (Dubos), находятъ тотчасъ послѣ переселенія монархическое начало господствующимъ, и приписываютъ это вліянію Римскому, отнимая почти все у Германцевъ. Наконецъ Аббатъ Мабли (de Mably), руководимый духомъ политической партіи, старается открыть у нихъ самую благоустроенную республику. — Часто ложно понимаемый патріотизмъ, былъ основаніемъ самыхъ несправедливыхъ и даже странныхъ положеній. Такимъ образомъ Гейнрихъ утверждаетъ что Германцы никогда неимѣли страсти къ пьянству; другой историкъ Мейнерсъ объявляетъ себя защитникомъ женщинъ, и доказываетъ что онѣ никогда небыли такъ счастливы, и такъ добродѣтельны какъ въ старину. Несмотря однакожь на столь совершенное

разногласіе, каждое изъ этихъ мнѣній имѣетъ нѣсколько справедливаго; но только каждое есть крайность и было внушаемо различными обстоятельствами. — Мы увидимъ далѣе, что древнсе Германское общество небыло ни монархіею, ни аристократіею, ни республикою, но что въ немъ былъ зародышъ всѣхъ элементовъ, такъ какъ у всякаго младенческаго народа.

Источники, откуда почерпаются свѣдѣнія о Германіи, суть троякаго рода: во 1-хъ Греческіе и Римскіе писатели, и между послѣдними занимаютъ первое мѣсто Юлій Цезарь и Тацитъ; во 2-хъ Германскіе памятники, оставшіеся отъ времени послѣ переселенія: лѣтописи, грамматы и законы, называемые обыкновенно народными уложеніями: Салійскій, Рипуарскій и другіе; въ 3-хъ собственно народныя Германскія преданія. Всѣ эти источники чрезвычайно различны, какъ по времени, ибо они обнимаютъ пространство 6-ти вѣковъ, такъ и по внутреннему своему качеству и содержанію. Ошибка многихъ новѣйшихъ писателей состоитъ преимущественно въ томъ, что они черпаютъ свои доказательства отсюду,

почти безъ всякаго разбора, безъ всякаго разысканія, и большею частію держатся только словъ, а не стараются изслѣдовать внутренней смыслъ и необходимую связь понятій.

Но такъ какъ опредѣленіе достоинства и недостатковъ писателя должно быть основано на общихъ началахъ, которыя бы могли служить руководствомъ, то я и считаю необходимымъ сказать нѣсколько словъ въ этомъ отношеніи, прежде нежели приступлю къ самому предмету.

Всякая эпоха можетъ быть представлена съ трехъ сторонъ. Сочинитель можетъ обратить все свое вниманіе и весь свой трудъ только на одни факты, на однѣ внѣшнія проявленія идеи; онъ ихъ собираетъ, опредѣляетъ ихъ достоинство, вѣроятность; однимъ словомъ онъ отыскиваетъ, подобно анатому, самыя сокровенныя и едва замѣтныя части тѣла. Такое занятіе, которое неминуемо и предшествуетъ всѣмъ прочимъ, называется критическимъ. Но существованіе тѣла предполагаетъ душу, внѣшніе факты указываютъ на внутренніе законы, всемъ управляющіе. Это рождаетъ новый вопросъ. Открыть, постигнуть, представить эти законы, ожи-

вить тѣло духомъ, облагородить анатомію физиологією, вотъ высокая задача историка. Такое занятіе называется умозрительнымъ. Наконецъ факты собраны, внутренніе законы узнаны, что же остается писателю? Онъ можетъ сдѣлаться драматургомъ, выведетъ на сцену прежнія событія, прежнія лица и заставить ихъ развиваться и дѣйствовать такъ, что читатель видитъ предъ собою живую картину протекшаго времени. Это есть послѣднее дѣло историка, извѣстное подъ именемъ описательнаго.

Разсматривая съ этой точки зрѣнія сочиненія, въ которыхъ объясняется древнее политическое состояніе Германцевъ, мы находимъ въ ихъ составѣ чрезвычайное разнообразіе. Изъ числа писателей я назову только тѣхъ, которые отличаются оригинальностію взглядовъ и могутъ почитаться основателями отдѣльных направлений, принимаемыхъ теперь при обработываніи этого предмета. Это суть Гримъ, Мёзеръ и Филлихъ *). — Гримъ

*) Jakob Grimm's Deutsche Rechtsalterthümer. Göttingen: 1828. 8°.

Justus Möser's Osnabrückische Geschichte. Berlin und Stettin. Три тома. Первый 1780. 8°. 2-ое изданіе.

принадлежить къ самымъ извѣстнѣйшимъ ученымъ; его имя повторяется на равнѣ съ первыми Германскими историками и филологами и его слова принимаются часто въ значеніи источника. И въ самомъ дѣлѣ, *Германскія древности Права*, какъ сочиненіе критическое, приводятъ читателя въ изумленіе; Авторъ отыскалъ и возстановилъ множество предметовъ, или вовсе неизвѣстныхъ, или ложно понимаемыхъ, опредѣлилъ ихъ значеніе и исчислилъ ихъ съ необыкновенною ученостію и точностію. Однимъ словомъ, его книга, какъ указатель, какъ собраніе, превосходитъ все прочее. Но здѣсь и оканчивается ея достоинство. Какъ трудъ умозрительный, философскій, она не совсѣмъ удовлетворительна. Гримъ нисколько не обратилъ вниманія на внутреннее развитіе общества, на этотъ важный процессъ, по которому человѣкъ изъ необузданнаго состоянія независимости, переходитъ въ состояніе общества, государства; его плѣняли только слова, факты. Въ отношеніи описанія, представленія древняго

Phillips deutsche Geschichte mit besonderer Rücksicht auf Religion, Recht und Staatsverfassung. 8° Berlin. Еще только 2 тома. Первый 1832.

общества, видѣнь тотъ же недостатокъ. Различныя части его огромнаго сочиненія соединяются только главами и параграфами; нѣтъ общей мысли которая бы все проникала и оживляла; нѣтъ никакого дѣйствія, никакой жизни: цитаты замѣнили мысль и выписки изъ дипломовъ — событія. Мёзеру принадлежитъ честь основателя въ Германіи изложенія исторіи, утверждающагося не на одномъ наборѣ фактовъ, но на развитіи внутренней жизни народа. Онъ былъ предшественникомъ Эйхгорна и другихъ, образовавшихся по его направленію и слѣдовавшихъ по дорогѣ имъ проложенной. Но и въ этой школѣ усматривается недостатокъ, какъ общаго начала, которое бы служило руководителемъ, такъ и внутренней критики, основанной не на скопленіи ссылокъ, но на сущности самаго предмета. Если, напр., различныя цитаты себѣ противорѣчатъ, то послѣдователи этой школы объявляютъ обыкновенно ложною ту или другую цитату, не стараясь вникнуть въ сокровенную причину ихъ различія. Наконецъ Филлипсъ издалъ въ новѣйшее время исторію Германіи, которая превосходитъ всѣ прежнія. Уже одна мысль

представить различныя направленія общества въ одной картинѣ, служить доказательствомъ, что онъ принимаетъ ихъ только проявленіями одной идеи, находящимися въ тѣсной связи между собою. Эта мысль, занятая впрочемъ у Гизо, хотя авторъ совершенно объ немъ не упоминаетъ, имѣла вліяніе и на самое изложеніе предмета. Филлиппъ старается вездѣ слѣдить внутреннюю жизнь народа и онъ могъ бы дойти до совершеннѣйшаго результата, если бы не основалъ все общество на ложномъ началѣ — *Genèse*.

Способъ изложенія предмета представилъ также многія трудности. — Всѣ прежніе ученые старались подвести подъ формы образованнаго Римскаго права младенческое Германское общество: это произвело величайшую запутанность и несообразность. — Новѣйшіе писатели впадаютъ въ другую крайность: желая подвести все подъ одну систему, они изощряютъ свое остроуміе и тѣмъ нерѣдко еще болѣе запутываютъ дѣло. Самую естественную и слѣдовательно самую основательную методу представилъ Гизо въ опытахъ о Французской исторіи. Онъ

разлагаетъ младенческое общество на составныя части и находитъ что оно утверждается на трехъ началахъ: на состояніи лицъ, состояніи земель и отношеніи первыхъ между собою и къ землѣ, т. е. на политическомъ устройствѣ. Такая система употреблена и въ этомъ разсужденіи.

